

«ПОЭТЫ СЛАВЯНСТВА»: А.С. ХОМЯКОВ И Ф.И. ТЮТЧЕВ О СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ

Аннотация

В 1840-е гг. славянофилы впервые попытались обосновать своеобразие российской культуры и начали разработку философских оснований идеи славянского единства. Исходным пунктом для формирования славянофильской концепции славянства были представления о суверенности «народных начал», о необратимом разделении и противостоянии между романо-германским и греко-славянским «мирами». Похожих позиций в тот период придерживались и русские консерваторы. Однако представления о путях решения славянского вопроса у славянофилов и консерваторов отличались. Задача статьи — показать это различие на примере поэзии А.С. Хомякова и Ф.И. Тютчева.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, панславизм, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев.

Авторы

Мырикова Анна Валериевна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры истории социально-политических
учений факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Прокудин Борис Александрович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры истории
социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Как указывает известный отечественный историк-славяновед Л.П. Лаптева, истоки идеи славянской взаимности восходят к XVII в., когда хорват Юрий Крижанич изобрел грамматику и лексический состав общеславянского языка, который объявил средством объединения всех славян. Однако концептуальные формы эта идея приобрела лишь в XIX в., первоначально предполагая «возможность объединения всех славян на основе родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести

некоторых черт литературы в раннехристианский период» [4. — С. 5]. Имея исключительно литературный характер в начале генезиса, затем она дополнялась политическими и религиозными аргументами, приобретая характер политический и идеологический, расширялась, становясь основой различных видов и разновидностей славянской националистической идеологии.

Среди факторов, оказавших определяющее воздействие на рост самосознания славян и оформление идеи их взаимности, обычно в ряду многих выделяют, во-первых, революцию 1789 г. во Франции и наполеоновские войны в Европе, стимулировавшие вызревание

идеи национальной свободы в сознании «австрийских», «турецких» и других славянских народов, испытывавших национальный гнет. Во-вторых, возвышение России, ее военные победы в конце XVIII и первые пятнадцать лет XIX в., особенно над Наполеоном, показавшие, что эта единственно свободная и могущественная славянская держава может способствовать освобождению угнетенных славян. В-третьих, начавшееся после разгрома Наполеона движение за объединение Германии, возникновение политической идеологии пангерманизма, предполагавшей немецкую гегемонию в Европе, которым и были противопоставлены различные доктрины политического и культурного объединения славян, получившие название «панславизм» [подробней см.: 1. — С. 190–197].

Парадоксально, но первым «теоретиком» славянского освобождения и переосмысления их всемирно-исторической роли стал немец. Иоганн Готфрид Гердер — глава протестантской церкви в Веймаре и один из основателей философии истории, в своем главном труде «Идеи к философии истории человечества» (1784–1891, русский перевод в 1829) с симпатией характеризовал славян и предсказал им большое историческое будущее.

Первым же славянским деятелем, более или менее четко сформулировавшим теорию славянской взаимности, был Ян Коллар — священник протестантской церкви, поэт и ученый, словак по происхождению, почти всю жизнь проживший в Пеште и умерший в Вене. В публицистических статьях «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836, русский перевод в 1840), «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» (1846) и других произведениях выдвинул программу культурного сближения славян, не имевшую политического характера. Коллар и его последователи в целях свободного общения славян

между собой предлагали целый ряд мер — от создания славянских книжных лавок, библиотек, кафедр славянских языков в учебных заведениях, созыва съездов ученых-славистов до создания единого славянского языка — «литературного», не бытового, а книжного и политического. Нужно подчеркнуть, что «культурные панслависты» были выразителями идеи всеславянства, а не национальных устремлений какого-то отдельного славянского народа.

Новая концепция славянского объединения, в которой основное внимание обращено уже не на всеславянство, а на отдельные славянские народы, и в которой не было даже намека на русофильство, — австрославизм — возникла в середине 1840-х гг. благодаря усилиям чехов — Карела Гавличека-Боровского, неудавшегося семинариста, воспитателя детей в семье профессора С.П. Шевырёва, а затем известного публициста Австрии, а также друга многих русских славянских деятелей Франтишека Палацкого. Австрославизм, в лице различных идеологов, выступавших или за равноправие всех народов Австрии в ее рамках, за союз свободных славянских народов Австрии, т.е., по большому счету, создание австрийской славянской империи, или же за преобразование австрийской монархии в конституционное союзное государство равноправных народов, не предполагал создание самостоятельных славянских государств, так как его адепты считали, что чехам не под силу преодолеть превосходство немецкой армии, полякам — армии России, а хорваты едва ли устояли бы против мадьяр, турок и немцев. Таким образом, первая политическая концепция славянского объединения ограничивалась проблемами федерализма австрийских славян, усматривала в России угрозу для национальной и культурной независимости малых славянских народов. Нужно заметить, что многие чешские сторонники австрославизма после 1867 г., когда был решен вопрос о соз-

дании дуалистической Австро-Венгрии, решили продемонстрировать свой протест Вене и перешли на позиции русофильства. Однако, если русские панслависты того времени исключали самостоятельность славянских народов, то зарубежные славянские политики подчиняли русофильскую ориентацию исключительно национальным целям.

Третья разновидность концепции славянской взаимности возникла и оформилась в России в 40-х гг. XIX в. в рамках славянофильства. Две крупные идеи обусловили специфику славянофильской концепции: идея православия и идея цивилизационных различий [см.: 9. — С. 21; 15. — С. 85–110]. Славянофильская историософия, как и западная идея всеславянства, исходила из гегелевского учения о том, что каждому народу априорно присуще некое «начало», раскрытие содержания которого и составляет его историю. В отношении славян такое «начало» славянофилы видели в православии, которое нередко отождествлялось ими с ранним христианством. Всю европейскую историю и культуру они делили на два самостоятельных «мира» — западный латинский, католический, романо-германский и восточный греко-славянский, православный. Между этими мирами славянофилы видели глубокое, коренное различие. Характерными признаками западного мира были для них римско-католическая религия, латинская образованность, рассудочность мышления и рационалистичность и действия, стремление к насилию. Католицизм славянофилы считали «искажением» христианства, да и протестантство казалось им естественным продолжением и развитием рассудочного начала и стремления к насилию. Проявление «западных начал» славянофилы находили и в государственной жизни романо-германского мира, раздираемого политической борьбой, государственными переворотами и революциями.

«Восточный мир» представлялся славянофилам наследником и истинным хранителем раннего христианства, а православие — единственной формой религии, сохранившей в чистоте христианские начала. Этика греко-православной стихии основывалась, по их мнению, не на мертвой логике и рассудочности, а на искренней и даже мистической вере, на пылом и бескорыстном чувстве. Ввиду декларируемой славянофилами «кротости» славян и отвращения их к насилию — государственность славянских народов отличалась от прочих, основывалась на свободном выборе власти, а не на насилии завоевателей. Отсутствием рационализма и «земных» побуждений объяснялось и отсутствие у славян сословий, и широкое развитие общественной собственности на землю, и мирные отношения между светской и духовной властью.

Именно на славянофильской основе формировались русские панславистские концепции [см.: 11. — С. 203–208; 10. — С. 32–36]. В рамках русского панславизма, в котором четко выделяются «культурное» и «политическое» направления, развивались идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский; проекты политического объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона.

Анализ работ 1840–1850-х гг. позволяет выявить главные различия между системами воззрений славянофилов и русских консерваторов, например, М.П. Погодина, Ф.И. Тютчева, которые сопрягали решение славянского вопроса, прежде всего, с политической проблемой стабильности и равновесия в Центральной Европе. Логика их рассуждений сводилась к следующему: Восточная Европа еще не достигла

высот своего развития, славяне слабы, разрознены и несвободны; миссия России состоит в том, чтобы «призвать Восточную Европу к жизни» посредством объединения под своим верховенством. А это возможно только после распада «лоскутной империи» Габсбургов. Следствием же распада Австрийской, а потом и Османской империи, должно было стать создание, по мысли Погодина, «Всеславянского союза» [см.: 13. — С. 18–31] или, по мысли Тютчева, «Славянской империи» [см.: 8. — С. 98–109; 7. — 71–89; 14. — 129–140] под покровительством России.

Таким образом, панславизм с ярко выраженной политической составляющей сформировался в консервативной среде, хотя предпосылки к этому были заложены славянофилами. Разницу подходов можно почувствовать, сравнив «славянские» стихотворения славянофила А.С. Хомякова и консерватора Ф.И. Тютчева.

Изучить динамику изменений панславистских взглядов А.С. Хомякова по его стихотворениям попытался еще в XIX в. О.Ф. Миллер, опубликовавший в 1869 г. статью под названием: «Хомяков — поэт славянства». Пафос статьи Миллера состоял в доказательстве отсутствия у Хомякова антидемократизма по отношению к славянским странам. Миллер приводит хомяковское стихотворение «Киев» (1839), относящееся ко времени зарождения славянофильских теорий: «Слава, Киев многовечный, / Русской славы колыбель. / Слава, Днепр быстротечный, / Руси чистая купель <...> / Мы вокруг твоей святыни / Все с любовью собраны. / Братцы, где ж сыны Волыни? / Галич, где твои сыны? / Горе, горе! Их сманили / Польши дикие костры, / Их сманили, их пленили / Польши шумные пиры. / Пробудися, Киев, снова! / Падших чад своих зови! / Сладок глас отца родного, / Зов моления и любви».

«Нужно ли говорить, что зов Хомякова был действительно зов, а не

притягивание на аркане? — пишет Миллер. — Всякая тень союза с принудительной *внешней* силой оставалась ему постоянно противной. Он ценил только *свободные связи*» [6. — С. 123–124]. В стихотворении «Киев» речь идет о богомолье у «Киевской святыни», которая собирает вокруг себя русских и зарубежных славян, но автор скорбит по поводу отпадения от православия униатских областей Западной Украины. «Здесь Польша выступает врагом, так что панславизм сокращается до профессиональных границ православия, — резонно замечает Б.Ф. Егоров, — католические славянские регионы как бы выносятся за скобки» [3. — С. 93].

К 1847 г., к которому относится стихотворение «Не гордись перед Белградом», виденье Хомяковым славянства несколько меняется, он «уравнивает всех славянских братьев, вплоть до католической Чехии, и надеется на свободное содружество: «Все велики, все свободны, / На врагов — победный строй, / Полны мыслью благородной, / Крепки верою одной!» [3. — С. 94].

Миллер опровергает обвинения Хомякова в русификаторстве, «превознесении» России и национальном самодовольстве, приводя стихотворение, написанное в самом начале Крымской войны (1853–1856). Когда «целыми потоками самохвальства залились наши журналы и всякого рода патриотические книжонки, и подмостки наших театров. И вдруг, посреди подобного хора, — вспоминает Миллер, — одиноко раздался опять увещающий зов Хомякова, в котором слышится во всей силе — и сознание великой задачи, представшей тогда перед нами, и сознание всей нашей... — неподготовленности: <...> “Вставай, страна моя родная, / За братьев! Бог тебя зовет / Чрез волны гневного Дуная — / Туда, где землю огибая, / Шумят струи Эгейских вод <...> / В судах черна неправдой черной, / И игом рабства клеймена; / Безбожной лести, лжи тлетворной, /

И лени мертвой и позорной / И всякой мерзости полна! / О, недостойная избранья, / Ты избрана! Скорей омой / Себя водою покаянья — / Да гром двойного наказанья / Не грянет над твоей главой» [6. — С. 126–127]. Таков панславизм Хомякова.

Впервые об идее славянского единения у Ф.И. Тютчева можно говорить применительно к его стихотворению «Альпы», датированному 1830 г. (как и Хомяков, Тютчев нередко использовал иносказательные поэтические формы в разработке славянской проблематики): «Сквозь лазурный сумрак ночи / Альпы снежные глядят; / Помертвелые их очи / Лыдистым ужасом разят. <...> / Но Восток лишь заалеет, / Чарам гибельным конец — / Первый в небе просветлеет / Брата старшего венец. / И с главы большого брата / На меньших бежит струя, / И блесит в венцах из злата / Вся воскресшая семья!» [12. — С. 112].

В этом стихотворении мы можем отчетливо проследить мысль о родстве славянских народов («вся воскресшая семья») и мысль об освобождении этой семьи от «гибельных чар». Причем освободительный импульс, по убеждению автора, будет исходить от «старшего из братьев». В следующем, 1831 г., Тютчев пишет стихотворение «Как дочь родную на закланье...», посвященное взятию Варшавы. Помимо того, что поэт объявляет подавление мятежной Польши борьбой за сохранение целостности славянской державы, он не оставляет сомнений в том, кто должен стать «собирателем земель славянских»: «Другая мысль, другая вера / У русских билася в груди! / Грозой спасительной примера / Державы целость соблюсти, / Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать / И весть на подвиг просвещения / Единомысленных, как рать» [12. — С. 120].

В 1841 г. Тютчев отправился в Прагу, где состоялось его знакомство с одним из самых видных деятелей чешского национального возрождения Вацлавом Ганкой, приверженцем литературной и

культурной «взаимности» славянских народов. В стихотворении, посвященном этому знакомству («К Ганке»), звучит грусть по исторической разрозненности славянских народов и призыв к культурному сближению. «Иноверец, иноземец / Нас раздвинул, разломил: / Тех — обезьязычил немец, / Этих — турок осрамил. / Вот среди сей ночи темной, / Здесь, на пражских высотах, / Доблий муж рукою скромной / Засветил маяк впотьмах. <...> / И наречий братских звуки / Вновь понятны стали нам, — / Наяву увидят внуки / То, что снилося отцам!» [12. — С. 148].

Примерно та же мысль развивается в стихотворении следующего, 1842 г., «Послание к апостолу», где Тютчев призывает славян стать одним народом, а Адама Мицкевича, польского поэта, называет «апостолом» славянства: «Мы чужем свет — уж близко время — / Последний сокрушен оплот, — / Воспрянь разрозненное племя, / Своюпись в один народ, — / Воспрянь — не Польша, не Россия — / Воспрянь, Славянская семья! — / И отряхнувши сон, впервые — / Промолви слово: “Это я!”» [12. — С. 149].

«Имперский идеал» Тютчева и его конкретизированные представления о путях славянского объединения мы находим в его публицистике конца 1840-х гг. В работе «Россия и революция» (1848), написанной под впечатлением от западноевропейских революционных событий, излагается идея создания славяно-православной «державы» под эгидой России [см.: 5. — С. 233–235]. Основная мысль статьи сводится к тому, что в современном Тютчеву мире существует только две силы: революционная Европа и консервативная Россия, а миссия России состоит в том, чтобы призвать славянство к жизни посредством объединения под своим верховенством. Как утверждают исследователи творчества Тютчева, границы «Великой Греко-Российской Восточной Державы» он определил в стихотворении «Русская география»

(1848) [см.: 2. — С. 58]: «Москва и град Петров, и Константинов град — / Вот царства русского заветные столицы... / Но где предел ему? И где его границы — / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим временам судьбы их обличат... / Семь внутренних морей и семь великих рек... / От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, / От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная... / Вот царство русское... и не преидет вовек, / Как то предвидел Дух и Даниил предрек» [12. — С. 152]. Столицей этого грандиозного государственного образования должен был стать, по мысли Тютчева, город Константинополь.

Именно к политической разнovidности русского панславизма можно отнести консервативный тютчевский идеал всеславянской империи, который занимает центральное место в обосновании Тютчевым идеи славянского единства.

Ненависть угнетенных славян к немцам, считавшим свое господство (над славянами, венграми, латышами, эстонцами и многими другими народами) естественным правом; солидарность славян по отношению к немцам; тезис о Венгрии, которая будет довольна

подчиненным местом в славянской империи — все это панславистские тезисы. И даже особо важное включение в «проблему славян» венгров в контексте русского панславизма не вызывает никакого удивления. Составы будущих всеславянских союзов, проектируемых различными мыслителями России (П.И. Борисов, Н.И. Костомаров, М.П. Погодин, Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский и др.), которых историко-политологическая традиция относит к панславизму, неизменно включали, наряду со «славянскими племенами», и тех же мадьяр, и греков, и румын.

Итак, славянофилы в 1840-е гг. впервые попытались обосновать своеобразие российской культуры и начали разработку философских оснований идеи славянского единства. Казалось бы, на схожих основаниях строили свои социально-политические концепции представители русского консерватизма, однако решение славянского вопроса они сопрягали, прежде всего, с политической проблемой стабильности и равновесия в Центральной Европе, тогда как славянофилы в большей степени тяготели к «культурному» панславизму.

Литература

1. Болдин В.А. Политико-текстологический анализ статьи А.С. Будиловича «Пангерманизм и панславизм» (1870) // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 190–197.
2. Джонг Х.-С. Идея славянского единства в мировоззрении Ф.И. Тютчева // Славянский вопрос: Вехи истории. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. — С. 55–70.
3. Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 89–102.
4. Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. — С. 5–21.
5. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х — начала 1850-х г. // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М.: Наука, 1988. — С. 231–252.
6. Миллер О.Ф. Хомяков — поэт славянства // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи Ореста Миллера 1865–1877 гг. — СПб.: Типография Р.Е. Благосветова, 1877. — С. 114–130.
7. Мырикова А.В. Политические идеи Ф.И. Тютчева. — М.: Современные тетради, 2004. — 135 с.
8. Мырикова А.В. Тютчевский идеал славянского единства // Вестник Московского университета. — Серия 12: Политические науки. — 2006. — № 4. — С. 98–109.

9. *Мыркова А.В. Шириняц А.А.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. А.А. Шириняца. — М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010. — С. 5–37.
10. *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Шириняца. — М.: Социально-политическая мысль, 2007. — 132 с.
11. *Прокудин Б.А.* Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA–2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова; сост. А.В. Воробьёв. — М.: Социально-политическая мысль, 2006. — С. 203–208.
12. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. — Л.: Сов. писатель, 1987. — 448 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
13. *Шириняц А.А.* М.П. Погодин и поиски русской национальной идеи 1830–1840-е гг. // Вестник Московского университета. — Серия 12. Политические науки. — 2007. — № 1. — С. 18–31.
14. *Шириняц А.А., Мыркова А.В.* Ф.И. Тютчев и М.П. Погодин о русофобии и «польском вопросе» // SCHOLA–2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Шириняца; сост. А.И. Волошин. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — С. 129–140.
15. *Шириняц А., Мыркова А.* Русофобский мит на «панславизма» / Политически исследование. Българска асоциация за политически науки. — София. Брой 1–2. 2010. — С. 85–110. (На болгарском языке.)